

Глава первая

1884 год, Российская империя

Наверное, мне стоило бежать из негостеприимной усадьбы господ Эйвазовых еще после того памятного завтрака, когда Людмила Петровна заявила, что недурно было бы просватать меня за Васеньку, братца моей дорогой Натали. И уж точно следовало убираться восвояси, когда папенька Натали упал замертво на глазах у домочадцев, собственными руками едва не задушив перед тем законную свою жену.

А впрочем... я ведь с самого начала знала, что добром эта история не кончится: от пришедших поздним вечером писем ждать можно лишь беды. Усвоила я эту истину еще в детстве. Когда была девятилетним несмышленьшем и жила с родителями в маленькой, солнечной и теплой квартирке на Рю де Лоратуар в славном городе Париже, именно таким поздним вечером к нам постучали. А всего через пару часов я потеряла родителей навсегда. Нынешние мои неприятности начались с того же. С неожиданного письма.

Письмо было адресовано Натали Эйвазовой, моей лучшей подруге и соседке по дортуару Смольного института благородных девиц.

Негоже беспокоить Натали, покуда она читала, но событий в жизни институток так ничтожно мало, что любой выходящий за рамки повседневности случай будоражит умы девушек и дает пищу для разговоров на многие недели вперед. Наши с Натали подруги не сводили с нее любопытных глаз, а меня тормозили:

— Ну же, Тальянова, поди к ней! Расспроси, что да как!

Я делала вид, что их не слышу, и молча готовилась ко сну. Но тоже нет-нет да брошу осторожный взгляд на ровную спину подруги, обтянутую шерстяным платьем. У институток все общее: комната, еда, даже платья одинаковые. Все и всё на виду. Письмо из дома — то единственное, что хоть на несколько минут позволяло нам обособиться от других девочек.

Многие и этого не имели. Среди восьми обитательниц нашей спальни трое, включая меня, не получали весточек от родных вовсе. Одна была сиротою и окончания института боялась более всего на свете, потому как не представляла, что ей делать потом. Другую посещали на моей памяти лишь раз, как-то на Рождество. Я же, ваша покорная слуга, своих родных не видела с девяти лет. Меня, правда, регулярно навещал Платон Алексеевич, который являлся моим попечителем, но он вовсе мне не родственник, я даже фамилии его никогда не слышала. Хотя наша начальница об этом человеке отзывалась всегда с большим уважением. Да и мне упрекнуть его не в чем. Именно Платон Алексеевич девять лет назад привез меня в Смольный и по сей день обеспечивал мое здесь пребывание. Я даже набралась смелости и со дня на день намеревалась написать ему — попросить найти мне место гувернантки, потому как обучение мое вот-вот подойдет к концу. Платон Алексеевич добр ко мне, уверена, он не откажет.

...Рука Натали с письмом вдруг безвольно обмякла, опустилась вдоль тела: пора! Мигом я пересекла дортуар и встала подле Натали. Мягко коснулась ее плеча.

— Папенька при смерти, — безо всякого волнения произнесла подруга.

Глаза ее были сухими и круглыми, а взгляд растерянным. Она продолжила:

— Он просит приехать, Лиди́, да кто же меня отпустит из института среди учебного года? Перед самыми экзаменами. Верно, я не поеду. Нет, не поеду.

Натали, конечно, переволновалась тогда. Начальница наша, разумеется, не имеет привычки отпускать девиц по первому требованию — однако ежели отец Натали и правда тяжело болен, то непременно сделает исключение. Кем же нужно быть, чтобы запретить дочери в последний раз увидеть отца?

Меня больше беспокоило, что у Натали даже глаза не увлажнились, а лицо сделалось упрямым и решительным. Неужто в самом деле она не хочет поехать домой? Я попыталась ее убедить:

— Натали, послушай...

Но подруга тотчас меня перебила:

— Даже слушать ничего не желаю! — Она по-детски закрыла ладонями уши. — Я никуда не еду, и точка!

Надо сказать, что наши учителя особенно любили Натали за добрый нрав и послушание. Лишь девочки, знакомые с ней достаточно близко, знали, что Натали будет выглядеть послушной ровно до того момента, пока требуемое не станет расходиться с ее желаниями. А уж в подобных случаях она становится такой упрямицей, что сладить с нею совершенно невозможно.

Вот и теперь, не отнимая ладоней от ушей, Натали сорвалась с места и, вихрем пронесшись через комнату, вылетела прочь. Девочки не посмели ее задержать.

Потом, несмотря на поздний час, ее пробовала убедить наша начальница. Я всем сердцем надеялась, что у нее получится: хотя и было бы мне тяжело расстаться с единственным родным человеком, но я понимала, что для Натали так будет лучше.

Девочки давно спали, когда подруга беззвучной тенью вернулась в дортуар и начала быстро переодеваться ко сну. Кровати наши стояли рядом, потому я приподнялась на локте и чуть слышно спросила:

— Так ты едешь, дорогая?

— Не знаю... — после недолгого молчания ответила та.

Я выбралась из-под одеяла и скользнула на кровать к Натали:

— А я знаю, в чем дело. Ты просто боишься, моя маленькая трусишка. — Я обняла Натали за плечи. — Я понимаю, я бы тоже боялась: твоя мама давно умерла, а отец ни разу не навестил с тех пор, как отдал сюда. Ты боишься, что он и сейчас тебя не примет.

— Я не его боюсь, — всхлипнула Натали, и я поняла, что она плачет. — У отца новая жена — злая и жадная женщина...

— Отчего ты решила, что она злая?

— Это из-за нее меня сюда отправили: в тот год папенька как раз на ней женился. Да и Вася, брат, про нее всякое писал... А еще дома гостит моя тетка, Людмила Петровна. Ты не представляешь, как я боялась ее в детстве! И мама боялась, и Вася. Она даже папенькой крутила, как хотела. Не дадут они мне жизни.

— Но ведь есть Вася, он тебя защитит.

— Вася и сам с ними мается... — вздохнула, жалеючи брата, Натали.

Я же теперь уловила в настроении Натали перемену: ей хотелось поехать, но было боязно.

— Послушай, милая: не хочу пугать тебя, но что, если другого случая увидеть папеньку у тебя уже не будет? Люди смертны. Подумай о нем — не лишей радости видеть единственную дочь в последний раз! Ты ведь любишь его?

— Разумеется...

— Тогда будь сильной: ты справишься и с мачехой, и с вредной теткой. Ты вон какой храброй можешь быть, когда захочешь!

Я тихонько рассмеялась — и подруга рассмеялась в ответ.

— Завтра посмотрим... — произнесла Натали и, поцеловав меня в лоб, опустила голову на подушку.

* * *

— Хорошо, я еду, — заявила наутро подруга. — И ты едешь со мной.

Я только раскрыла рот и не успела ничего сказать — а Натали уже принялась канючить:

— Лиди, ну пожалуйста!.. Начальница не желает отпустить меня одну! Представь себе, хочет послать со мною кого-то из классных дам в качестве няньки. Да я со стыда сгорю, если появлюсь дома с нянькой! Насилу ее уговорила позволить тебе меня сопровождать. Ты-то у нее в любимицах...

Что правда, то правда. Ежели моим подругам требовалось выпросить что-то у классной дамы или Ольги Александровны, начальницы института, — послом для переговоров всегда отправляли меня, и это было залогом успеха. Когда Натали взбрело в голову помогать сестрам милосердия в ближайшем госпитале, мне даже удалось уговорить Ольгу Александровну отпускать нас по воскресеньям. Право, я сама удивилась, когда та позволила... Я смутно

догадывалась, что все дело в Платоне Алексеевиче, моем попечителе, которого начальница наша безмерно уважала и даже, кажется, боялась...

Еще какое-то время я пыталась воспротивиться нынешней затее Натали. Говорила что-то, а сама только и думала, какая же это хорошая идея. Я могла только мечтать, чтобы вырваться из Смольного и хоть какое-то время, хоть неделю, пожить на воле — не прислугой в чужой семье.

Я знала, что это здесь, в институте, мы с Натали похожи словно сестры. А там, в большом мире, у нас будут совершенно разные судьбы. Ее, вероятно, ожидает жених из знатного рода и папенькино наследство, а мне только и остается надеяться, что хозяйева дома, в который меня определит Платон Алексеевич, будут не слишком суровы ко мне.

Но как же заманчива была мысль пожить жизнью Натали хоть немного...

* * *

Мы выехали на следующее утро. Погода в эти дни стояла ненастная, и Ольга Александровна советовала нам обождать. Но Натали теперь, почуяв запах свободы, не желала оставаться в этой уютной и доброй тюрьме лишнего дня. Я и сама готова была бежать отсюда хоть в дождь, хоть в снег.

Начальница обещала дать свою личную коляску, но уже перед самым отъездом не вытерпела и поехала с нами. На Варшавском вокзале Ольга Александровна горячо распрощалась с нами и даже прослезилась немного.

— Берегите себя, девочки... — целуя в щеку то меня, то Натали, повторяла она, будто не слыша, что кондуктор просит пассажиров пройти на свои места. — Лиди, обещаю тебе, что станешь присматривать за Натали!

В этот момент подруга не выдержала и, бросившись к ней на шею, разрыдалась.

— Да-да, — уже нервничая, заверила я, — как только мы доберемся, я первым делом напишу вам.

Почти силой я увлекла Натали за собой в поезд, и, стоя на ступеньках, мы еще долго махали Ольге Александровне. Признаться, мне тоже было в этот момент горько: мы обещали вернуться в родное заведение самое большое через три недели, но какими они будут — эти недели? Мне казалось, что я уезжаю в новую жизнь.

* * *

При знакомстве с новенькими Натали всегда заявляла, гордо вскинув подбородок, что род Эйвазовых ведет свое начало от эриванской знати. Новенькие не спорили, хотя и не находили во внешности Натали ничего восточного, кроме разве что взрывного характера. Как бы там ни было, в России потомки славных меликов¹ скоро растеряли не только типичные армянские черты, но и богатства. Лишь прадед Натали начал возвращение былого величия фамилии: сделался сперва управляющим на заводе, потом удачно женился, выкупил один из цехов, наладил производство. Его сын значительно приумножил богатства, а внук — папенька Натали — теперь был широко известен, как купец и промышленник, владеющий заводами на Урале и рудниками в Сибири. Женился он на дворянке хорошего рода, и ни у кого уж не возникло вопросов, когда Натали принимали учиться в Смольный институт благородных девиц на Николаевскую «благородную» половину.

---

¹ Восточный дворянский титул на территории Армении и Азербайджана (здесь и далее прим. авт.).

Самой же заветной мечтой купца Эйвазова было обзавестись большой дворянской усадьбой. Что и осуществил он незадолго до рождения единственной дочери.

Поездом мы добрались до Пскова уже к вечеру, а на вокзале нас дожидалась коляска, присланная родственниками Натали. Подруга смело разглядывала окрестности, высунувшись из-под кожаной крыши, и мыслями была уже там, в своем новом старом доме. До поместья мы добирались еще не меньше двух часов, и все это время нас сопровождал ливень, какой бывает только в середине мая, да густеющая ночная темнота. Никто из Эйвазовых нас не встречал у ворот, помогали сойти только домашние слуги. Высокий и сильный парень таскал поклажу, а две полные русоволосые девушки снимали с нас накидки и поочередно охали, как-де мы вымокли, бедняжки...

Когда же они разошлись, оказалось, что в холле находится еще одна женщина. Она стояла у лестницы — очень высокая, одетая в глухое черное платье и укутанная в цветастый платок до пола. Женщина была молодой, не старше двадцати пяти, и довольно красивой. Светловолосая, с простой, но изящной прической, а глаза ее тяжелым и неприветливым взглядом смотрели на мою подругу, пока что ее не замечавшую.

Сообразив, что на этот раз перед нами хозяйка дома, я тронула Натали за плечо и почтительно опустила в реверансе. Почему-то я думала, что мачеха Натали окажется гораздо старше и гораздо менее красивой...

Краем глаза я видела, что Натали не сделала поклон вслед за мной, а лишь вскинула голову еще выше.

— Лизавета Тихоновна, я полагаю? — спросила она по-русски и тоном, которого я от кроткой подруги никак не ожидала.

Дама, названная Лизаветой Тихоновной, изобразила на лице улыбку. Подошла к Натали и, неловко обняв ее, по-

целовала в обе щеки. Меня едва передернуло от фальши, которая сквозила в каждом ее движении.

— Наташенька, ты так выросла... я едва узнала тебя, — поздоровалась Лизавета Тихоновна тоже по-русски, продолжая рассматривать Натали.

— Разумеется, ведь когда вы пожелали отослать меня из дома, мне было двенадцать, — с вызовом ответила та. Потом несколько смягчилась и обратилась ко мне уже на французском: — Лиди, познакомься — моя мачеха, Лизавета Тихоновна, третья жена моего папеньки. Если б судьба распорядилась иначе, она могла бы быть нашей соседкой по парте.

Глаза подружки горели, а голос становился все звонче — вот-вот она должна была либо расплакаться, либо броситься на мачеху с прямыми упреками. Мне было крайне неловко присутствовать при этой сцене — я не находила куда себя деть.

Не знаю, чем бы все закончилось, но в это время на лестнице, ведущей на второй этаж, показался молодой мужчина — отчего-то, едва бросив на него взгляд, я поняла, что это и есть Вася, о котором Натали все уши мне прожужжала. Они с сестрой были поразительно похожи: ростом брат, конечно, был выше и шире в плечах, но имел ту же тонкую кость, что и Натали, те же едва заметные веснушки на щеках и светлые, чуть отливающие медью волосы.

— Вася! — вскрикнула Натали, подтвердив мои догадки.

Она подхватила юбки и с места бросилась ему в объятия, заговорив при этом на русском столь торопливо и бегло, что я понимала ее через слово.

— Васенька, как же я скучала! — пылко говорила Натали. — А как папенька? Где он? Проводи меня скорее! Ах, постой...

Не отпуская его, Натали потянула брата ко мне и, схватив свободной рукой мою ладонь, тепло улыбалась, переводя взгляд с его лица на мое.

— Васенька, познакомься, мадемуазель Тальянова Лидия Гавриловна, моя лучшая подруга. Я так надеюсь, что вы подружитесь! Вы самые дорогие мне люди!

— Василий Максимович, — отрекомендовался мне брат Натали.

— Просто Лиди, — присела в реверансе я.

Он поклонился мне очень неловко, по всему было видно, что он простой человек, не привыкший к обществу, да и вообще к посторонним. Право, и мне никогда раньше не доводилось бывать в русской деревне, я плохо представляла, как держаться с этими людьми. Потому решила вести себя по-простому, от души, оставив безликие манеры, привитые в Смольном, для других мест.

— Прошу простить меня, Лидия Гавриловна, — продолжил Вася снова по-русски, упорно именуя меня по имени-отчеству, как это принято *здесь*, — мы знакомимся не при самых приятных обстоятельствах. Мы с Наташей должны идти — папенька очень по ней соскучился.

Тотчас они меня и покинули, на ходу пообещав, что лакей сейчас же явится и проводит меня в комнату.

Я при этих словах недоуменно обернулась на Лизавету Тихоновну. Странно, проводить меня вполне могла бы и хозяйка дома — но на нее, стоявшую за моей спиной, Вася вовсе не обратил внимания, будто той и не было здесь. Что за чудные отношения в этой семье?

Воспитание не позволило мне молча дожидаться слугу: я вновь поклонилась Лизавете Тихоновне, мучительно подбирая тему для разговора:

— Я надеюсь, что не слишком обременила вас своим присутствием здесь в такое неподходящее время?

— Нет, что вы! — поспешила заверить меня мачеха Натали, сейчас выражение ее лица было куда более располагающим. — Но мне заранее придется извиниться за сцены, свидетелем которых вы обязательно станете. В этой семье не все гладко, как вы заметили.

Видит Бог, мне лезть в их семейные дразги вовсе не хотелось. А тем более не хотелось, чтобы мадам Эйвазова видела во мне соратницу в борьбе с домочадцами. Но судя по всему, этой участи мне не избежать.

— Я вижу, что вы более воспитанны, чем моя падчерица, Лида... вы позволите мне вас так называть?

Я не сразу нашлась, что ответить, поскольку никто и никогда меня Лидой не звал. Я знаю, что мое имя — Лидия — не самое типичное для француженки: мама рассказывала, что назвала меня так в честь родственницы-протестантки Лидии Клермон. Лидией Клермон звалась и я, покуда жила с родителями, а прибыв в Россию, получила фамилию Тальянова. Начальница Смольного утверждает, что так звали в девичестве мою матушку и что она была русской. Я не поверила, но моего мнения никто не спрашивал.

Но с фамилией новой я все-таки свыклась, а вот то, что имя мое начали коверкать на русский лад, было пока что в новинку.

Лизавета Тихоновна, верно, заметила мое замешательство:

— Я совсем вас заговорила... должно быть, вы устали с дороги? Позвольте, я вас провожу в вашу комнату?

Позволять мне не хотелось, тем более что лакей явился, но вопрос Лизаветы Тихоновны был риторическим: не дождавшись моего согласия, взмахом руки она уже прогнала лакея.

Как я предполагала, Лизавета Тихоновна, шагая впереди меня, не молчала в дороге. Но, как ни странно, порочить Васю или Натали не спешила.

— Это старый дом, — рассказывала она, любовно касаясь пальцами в крупных серебряных перстнях перил парадной лестницы, — построен еще в начале века, и хозяйева очень берегли его. Максиму Петровичу, моему мужу, он достался в целости и сохранности. Вы еще не бывали в здешнем парке? Ах, конечно, не бывали... Право, нет места красивее.

— Вижу, вы очень любите этот дом?

— Конечно, люблю. Я, видите ли, сирота, родители мои погибли очень рано, и своего дома у меня никогда не было. Этот первый.

Лизавета Тихоновна по-девичьи стыдливо наклонила голову, и именно тогда мне стало вдруг остро жаль эту женщину. Одинокую в собственном доме и никем не любимую. Никем — кроме разве что мужа.

Глава вторая

Гостевая спальная показалась мне невообразимо милой. На короткий миг даже всплыл в памяти образ моей детской на Рю де Лоратуар, где были поклеены очень похожие обои — голубые с синим узором. Простенькие акварели на стенах, беленая ширма, укрывавшая туалетные принадлежности, узкая кровать в нише за балдахинном, а у окна — бюро для письма и два венских стула.

Сквозь открытую форточку комнату заполнили запах дождя и некий пьянящий цветочный аромат. Аромат этот всюду витал во дворе, но я тогда еще не знала, что за диковинный душистый кустарник цветет в русской деревне весь май... Как и не знала, что в будущем, едва слышу

этот аромат, память всякий раз будет возвращать меня в тот самый май 1884 года, который так сильно изменил мою жизнь.

Но это все после. А тогда я с любопытством осматривалась в комнате, показавшейся мне просто шикарней, царской. Только немного смущал иконостас, на который я взглянула лишь мельком и предпочла скорее отвести взгляд.

Миловидная тоненькая девушка с белокурой косой через плечо как раз заканчивала стелить постель, когда я вошла.

— Ох, и погодка сегодня не заладилась, — с трудом разобрала я русскую простонародную речь. — Верно, устали с дороги? Вам поесть-то чего принести или просто чайку?

— Чайку? — повторила я, делая ударение на первый слог и вспоминая, что «чайка» — это такая птица по-русски.

Я совершенно не понимала, что она от меня хочет: при чем здесь чайки?

— Благодарю! — ответила я и сколь могла приветливо улыбнулась. Натали учила, что когда я чего-то не понимаю, нужно сказать это универсальное слово, и все будет хорошо.

Девица, закончив с постелью, подошла ко мне, поглядывая теперь как на диковинную зверушку.

— Меня Дашей кличут, — произнесла она громко и по слогам. — Так не хотите, что ли, кушать? А то у нас буженинка с ужина осталась, дюже вкуснющая. Не хотите?

— Благодарю... — ответила я теперь не так уверенно.

И, пока мучительно вспоминала этимологию слова «хочить», Даша хмыкнула, сделал книксен и вышла вон.

А я, оставшись одна, навзничь упала на постель, потому что действительно очень устала. И еще я подумала, что на-

добно вспоминать русскую словесность — единственную дисциплину в Смольном, которая совершенно мне не давалась. Иначе я даже чаю у местных горничных попросить не сумею.

* * *

Я проснулась резко и сперва даже не поняла отчего. Вокруг висела густая темнота, и было тихо настолько, что мне тотчас стало не по себе. Я уже и позабыла те времена, когда владела собственной отдельной комнатой...

И снова этот звук выдернул меня из размышлений! Как будто кошка мяукает... нет, не кошка. Это же детский плач! Через мгновение я уже не сомневалась, что это ребенок — только откуда он здесь? Натали непременно рассказала бы мне, если бы у нее родился брат или сестра. Может, это у горничных?

Я решила не думать, а отвернулась к стене и с головой накрылась одеялом. Не помогало. Напротив, этот ребенок плакал, казалось, еще громче, как будто у меня над ухом. Минуты через три, когда я поняла, что этот плач разогнал остатки сна, я откинула одеяло, нащупала в темноте свечу и коробок спичек.

Ступая босыми ногами по холодному полу, я добралась до двери и выглянула в коридор. Пламя свечи дрогнуло, должно быть от сквозняка, и едва совсем не пропало — мне пришлось загородить его рукой. И в этот момент я заметила легкую белую тень, мелькнувшую в конце коридора и тотчас скрывшуюся за углом.

Меня буквально парализовало на месте: долю секунды я решала, вернуться ли мне к себе или пойти посмотреть? Быть может, это просто кто-то из родственников Натали? А быть может, это и на детский плач прольет свет.

Медленно, чтобы не погасла свеча, я прошла по коридору и заглянула за угол. Каково же было мое удивление, когда здесь я никого не увидела — маленький закуток за углом кончался глухой стеной, почти полностью занятой картиной. Рядом только софа с забытой кем-то газетой и большой фикус в кадке.

Растерянно я подошла к софе, взяла газету, после чего подняла взгляд на картину.

Это был портрет. Сидящей на софе была изображена дама средних лет с кошкой на коленях. Женщина имела темные волосы, черные брови вразлет и суровый взгляд, от которого мне как будто стало зябко. Я утомленно покачала головой, думая, что нужно все-таки пойти к себе и попытаться уснуть, но в этот момент кто-то легонько тронул меня за плечо — я вздрогнула и едва не уронила подсвечник.

— Ох... Господи, Натали... со мною чуть удар не случился! — Это была всего лишь моя подруга, неслышно подошедшая сзади.

— Прости, Лидушка, не хотела тебя напугать.

Лидушка... меня даже передернуло. Вот уже этот синдром «русскости» передался и Натали. Но я решила этого не заметить:

— Ничего. Просто я увидела, как кто-то — должно быть, это была ты — прошел по коридору, и решила посмотреть.

— Я не проходила здесь... — смотрела на меня круглыми глазами Натали. — Я только что вышла из своей комнаты, потому что... тебе не показалось, что где-то на этаже как будто плачет ребенок?

Так. Значит, мне не померещилось. Я улыбнулась и постаралась ответить как можно спокойнее:

— Должно быть, это младенец одной из горничных.